

ИССЛЕДОВАНИЕ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО, СТРАДАЮЩЕГО ФИЗИЧЕСКИМИ И ПСИХИЧЕСКИМИ НЕДОСТАТКАМИ, ПОСРЕДСТВОМ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Автором в статье рассматриваются вопросы, касающиеся порядка исследования данных о личности обвиняемого, страдающего физическими и психическими недостатками, посредством производства судебно-психиатрических экспертиз.

Конституция РФ в качестве одной из основ конституционного строя указывает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Поэтому логично, что уголовно-процессуальный закон, предусмотрев перечень обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, на третье место после доказывания события преступления и виновности лица в его совершении вынес обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.

Личность обвиняемого, являясь объектом уголовно-процессуальных отношений, предстает как система взаимосвязанных свойств, качеств, признаков, выступающая в своем многообразии сугубо индивидуальных социально значимых черт, характеристик в качестве объекта познания для обеспечения задач уголовного судопроизводства [1]. Объектом познания будут выступать признаки и свойства личности, непосредственно связанные с совершенным преступлением.

Законом не предусмотрен четкий перечень обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Между тем, обратившись к п. 4 ст. 304 УПК РФ, видим, что закон предусматривает во вводной части приговора отражать следующие данные о личности: фамилию, имя и отчество подсудимого, дату и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для дела. Стало быть, если идти по пути применения аналогии закона на этапе досудебного производства, определяя через п. 4 ст. 304 УПК перечень обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, которые органы предварительного расследования должны отразить в обвинительном заключении (акте), то можно заметить, что остается открытым вопрос: что относится к иным данным о личности, имеющим значение для дела. По каждому делу обстоятельства, относящиеся к личности, могут быть различными с учетом структурного строения личности обвиняемого. В одном слу-

чае акцент может быть сделан на познание обстоятельств социально-бытового характера, предшествующих совершению преступления, в другом – психологического, в третьем – медико-биологического и т. п. [2] Думается, что наличие физических и психических недостатков, безусловно, относится к этому перечню.

Установление факта наличия физических и психических недостатков, их влияния на преступное и послепреступное поведение лица, на уголовно-процессуальную дееспособность невозможно без применения специальных знаний – знаний экспертов, специалистов. Участие таких лиц возможно при наличии соответствующих оснований, а чтобы стать основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы, сомнение в психической полноценности должно быть обусловлено выявленными в ходе производства по делу фактическими обстоятельствами. В науке выделяют три группы оснований [3].

Так, первая группа оснований включает в себя сомнение по поводу вменяемости или способности лица к моменту производства по делу отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Такое сомнение в психической полноценности должно быть вызвано выявленными в ходе производства по делу фактическими данными (постановка на учет у психиатра, госпитализация и лечение в психиатрической больнице, признание негодным к военной службе по психическому заболеванию, признание невменяемым по другому делу, нахождение на принудительном психиатрическом лечении и др.).

Вторая группа – данные об особенностях поведения, которые являются возможными свидетельствами психической болезни: неадекватное обстановке поведение либо проявления психических расстройств, понимание болезненного характера которых не требует специальных медицинских знаний (например, припадок). Эти сведения могут быть известны лицам, хорошо знающим данного субъекта или ставшим очевидцами отдельных эпизодов его неадекватного поведения.

Однако, по мнению С.Н. Шишкова, в данном случае возможно, что неверное понимание соотношения «объективного» (фактические обстоятельства) и «субъективного» (сомнение в психической полноценности) при рассмотрении вопроса об основаниях для назначения экспертизы способно привести к принятию ошибочных решений [4]. Позволим себе не согласиться с высказанным мнением.

Весь процесс производства по делу в большинстве случаев зависит от субъективного мнения субъектов доказательственной деятельности. Возможны ситуации, когда гражданин ранее не попадал в поле зрения психиатра в силу того, что его заболевание носило скрытый (латентный) характер или проявилось совсем недавно. Более того, за внешней упорядоченностью поведения могут скрываться серьезные нарушения психики, установить которые возможно только путем проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Поэтому мы полагаем, что нельзя недооценивать субъективное мнение следователя, судьи. Но при этом необходимо отметить: чтобы сомнение в психической полноценности [5], основанное на наблюдаемых во время следственных (судебных) действиях странностях и нелепости в поведении лица, имело значение для судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, их необходимо кратко отразить в протоколе проводимого действия (в постановлении, определении).

И, наконец, третье основание – сообщения самого гражданина о своих болезненных переживаниях и субъективных ощущениях – об испытываемых им зрительных или слуховых галлюцинациях, других необычных ощущениях.

Полагаем, что существует и четвертое основание. Возможны случаи, когда сам обвиняемый или его защитник ходатайствуют о проведении судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, хотя такие случаи на практике встречаются довольно редко. Однако представляется верным в контексте специфики данного вида экспертиз и особенностей личности лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, особо подчеркнуть и дополнить ч. 4 ст. 46, ч. 4 ст. 47 УПК подпунктом, предусматривающим право подозреваемого, обвиняемого заявлять ходатайства о назначении и проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Вместе с тем формулирование вопросов в случае заявления подобного ходатайства нельзя возлагать на подо-

зреваемого, обвиняемого. Они должны быть составлены, как представляется, дознавателем, следователем, защитником, судом.

Органам предварительного расследования, суду, как видится нам, следует уходить от назначения для оценки психического состояния обвиняемых, подсудимых только судебно-психиатрической экспертизы. Применение этого вида экспертизы целесообразно, но преимущественно для случаев установления невменяемости лица. Назначая экспертизу, дознаватель, следователь, суд не могут заранее знать, к какому выводу придут эксперты, а потому возможны ситуации, когда ответить на поставленные вопросы эксперт-психиатр самостоятельно, без выхода за пределы своей компетенции, не может. К его профессиональной компетенции относится установление медицинского диагноза, позволяющего по критериям Международной классификации болезней квалифицировать особенности психической деятельности обвиняемого как психическое расстройство, и разграничение состояний возможности и невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, т. е. состояний вменяемости-невменяемости. Известно, что мотивация преступных действий лиц с психическими аномалиями подчиняется общим закономерностям формирования мотивов: у них, как правило, не обнаруживается каких-либо особых криминогенных потребностей. Вместе с тем имеются различия в механизме формирования мотивов уголовно наказуемых поступков. Хотя обнаружение того или иного расстройства само по себе не раскрывает мотивов преступления и особенностей мотивационного процесса. Поэтому всегда необходимо находить мотивы, но исключительно с учетом патологических особенностей личности. Иными словами, недостаточно знать диагноз, а нужно установить, как повлияла психопатия или иное расстройство психики на субъективные побудители к преступному поведению. Было бы целесообразным расширить компетенцию экспертов для того, чтобы установить причинную связь имеющейся патологии с общественно опасным действием. Обусловлено это тем, что, во-первых, в выяснении значения психических аномалий у суда всегда будут оставаться определенные сложности, которые трудно правильно разрешить без помощи экспертизы, а для их разрешения необходимо, чтобы задачи эксперта не ограничивались определением вменяемости-невменяемости и психического расстройства, не исключая

го вменяемости. Во-вторых, у суда также могут возникнуть вопросы, связанные с оценкой и анализом особенностей поведения лиц с психическими аномалиями и аномалиями влечений, что особо важно при вынесении обоснованного приговора и избрания наиболее адекватного, справедливого и действенного наказания. Кроме того, нельзя не согласиться с уже давно высказанным мнением о том, что «расширение объема и содержания компетенции обяжет экспертов более тщательно, глубоко изучать патологию лиц, которые при ее наличии не могут быть эскультированы. А это может положительно сказаться на превентивной и профилактической работе, координируя таким образом усилия врачей и юристов» [6].

Здесь на помощь дознавателю, следователю, суду должны прийти специальные знания экспертов и специалистов различных областей знаний.

Возможность проведения комплексных экспертиз предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством России и особо оговаривается в ст. 23 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7], в которой указано, что при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. Практикой выработан ряд комплексных экспертиз, соотносимых с психическими аномалиями обвиняемых. Таковыми являются комплексная судебная психолого-психиатрическая, комплексная судебная сексолого-психиатрическая, комплексная судебная нарколого-психиатрическая экспертизы [8]. Общее заключение по поставленным вопросам дают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании вывода.

Полагаем, что проведению комплексных экспертиз в определенной мере должно способ-

ствовать и расширение процессуальных прав экспертов, предусмотренное, в частности, п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, согласно которому эксперт вправе ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. К сожалению, из формулировки уголовно-процессуального закона не ясно, перед кем должно быть заявлено подобное ходатайство. В связи с этим считаем необходимым обратиться к закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», в котором указано, что эксперт вправе ходатайствовать перед руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (п. 1 ст. 17). Данная норма является специальной, и в соответствии с общей теорией права должна действовать именно она. Тем не менее было бы правильным внести соответствующее уточнение в УПК РФ в целях единообразного применения закона.

Изучение материалов практики показывает, что органы предварительного расследования, суд, назначая судебно-психиатрические экспертизы, не ставят вопросы по поводу психических расстройств, не исключающих вменяемости. Поэтому полагаем, что эксперты, установив наличие такого психического расстройства, должны выйти за рамки поставленных перед ними вопросов. Законодатель допускает такую ситуацию. Согласно ч. 2 ст. 204 УПК РФ, а также п. 12 «Инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы» [9], если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать о них в своем заключении. В контексте рассматриваемой категории дел это положение становится особо актуальным.

Список использованной литературы:

1. Гуськова А.П. Личность обвиняемого как субъект и объект уголовно-процессуальных отношений // Проблемные вопросы личности и государства (историко-правовой аспект) – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 1997. С. 15.
2. Гуськова А.П. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого в предмете доказывания по УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., Издательство ООО «Профобразование», 2002. С. 87.
3. Приводим классификацию оснований, обозначенную С.Н. Шишковым, которую полностью разделяем. (Судебная психиатрия. Учебник / Под ред. проф. А.С. Дмитриева, Т.В. Клименко. – М.: Юрист, 1998. С. 114–116.)
4. Судебная психиатрия. Там же. С. 116.
5. Полагаем, что сомнение в психической полноценности есть обоснованное предположение о наличии у лица психического расстройства, способного влиять на юридически значимое поведение.
6. Тимофеев Н.Н., Тимофеев Л.Н. Содержание и объем работы эксперта-психиатра // Правоведение. 1971. №5. С. 84–85.
7. Федеральный закон от 31 мая 2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 5.06.2001. №106. В дальнейшем – Закон.
8. Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под редакцией проф. Б.В. Шостаковича – М.: Зерцало, 1997. С. 160–161.
9. Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР. Утверждена Министерством здравоохранения СССР 27 октября 1970. Согласована с Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР №10-91/14-70 3 ноября 1970.